

III. НЕИЗВЕСТНЫЙ ПЛАН СТАТЬИ ПУШКИНА О ФЕОДАЛИЗМЕ

Феод[альное] правл[ение].

Его основание.
Les grands Fiefs.
Les petit[s] fiefs.
Les vassaux.
Le peuple.
Le clergé ^a

Elisoient un chef.
Le domaine avoit part
commune au butin ^b.

Сошения

Короля с Владельц[ами],
Влад[ельцев] между собою[.],
Влад[ельцев] с Васс[алами],
Вассалов между собою.
Assemblée de la Nation.
Guerre et redevance au Roi.
Redevance de[s] vassaux.
Justice, coutumes, loix, privileges.
Independance, protection ^c.

Droits des Seigneurs[,] ^d
изб[ирали] королей,
судили, разпри,
battoient monnay[,]
feso(en)t la guerre
entre eux, preto[en]t
hommage aux Rois[,]
les servitut des jours
marqués ^d.

Упадок феодализма. Croisades.

St. Louis.
Papes, Phil[ippe]—le bel, Etats-ge[neraux].
Parlements ^e.

Публикуемый впервые план статьи о феодализме, извлеченный из бумаг П. И. Бар-тенева, имеет ближайшее отношение к отрывкам, напечатанным в «Материалах» П. В. Анненкова (СПБ., 1855 г., стр. 267—269), в книге И. А. Шляпкина «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина» (СПБ., 1903 г., стр. 56—58), в академическом издании сочинений Пушкина (т. IX, ч. I, стр. 71—73; ч. II, стр. 180—181) и в издании ГИЗ («Красной Нивы», т. V, кн. II, стр. 420—422).

Статья о феодализме должна была быть частью задуманной, но неосуществленной Пушкиным работы о французской революции, о чем он писал в июне 1831 г. Е. М. Хитрово: «Я предпринял исследование о Французской революции и умоляю вас прислать мне Тьера и Минье, если возможно. Оба эти труда запрещены. У меня здесь имеются лишь «Мемуары, относящиеся к революции». («Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Л., 1927 г., стр. 24, 117. Ср. Б. Модзалевский. «Библиотека А. С. Пушкина». СПб., 1910 г., стр. 289, 349, 201).

Подобно F. A. Mignet, Пушкин хотел выяснить ход исторических событий, приведших к Французской революции, и начал свой обзор с феодализма. Он намеревался нарисовать картину, где было бы наглядно показано, как из одних исторических фактов вытекают другие—и дали в конечном результате революцию.

Набрасывая свой план, Пушкин повидимому руководствовался известной книжкой Минье «De la féodalité, des institutions de Saint-Louis et de la législation de ce prince» (1822) и другим трудом того же автора под заглавием: «Histoire de la Révolution Française» (1828).

Пользовался Пушкин и одноименным сочинением Тьера, а также «Histoire de la civilisation en France» (1830—1832) Гизо и «Considérations sur les principaux événements de la Révolution Française» г-жи Сталь.

Пушкин хорошо ознакомился не только с историческими фактами, тщательно изучив феодализм, по доступным ему современным работам и источникам, но и с юри-

^a Большие лены. Малые лены. Вассалы. Народ. Духовенство.

^b Избирали предводителя. Все владение [удел] имело общую долю в добыче.

^c Права владельцев.

^d Национальное собрание. Война и обязательства в отношении короля. Обязательства вассалов. Правосудие, обычаи, законы, привилегии. Независимость, покровительство.

^e Чеканили монету, вели войну друг с другом, признавали себя вассалами королей, обязанность нести службу по определенным дням.

^f Крестовые походы. Людовик Святой. Папы, Филипп Красивый. Генеральные штаты. Парламенты.

дической терминологией, необходимой для обозначения известных явлений средневековья (например «*prêter hommage au roi*» и т. п.).

Обращение Пушкина к Минье и Тьеру заслуживает внимания потому, что именно эти ученые, по верному замечанию Энгельса, «постоянно указывали на борьбу классов как на ключ к пониманию французской истории, начиная с средних веков» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. М.-Л., 1931 г., т. XIV, стр. 669).

Н. Козмин

IV. ЗАПИСЬ ПУШКИНА О 18 БРЮМЕРА

Mr Paëz, alors secretaire d'Embassade à Paris, m'a confirmé ce récit de Bourienne. Ayant appris quelque jours avant qu'il se préparoit quelque chose de grave, il vint à St. Cloud et se rendit à la salle des Cinq-Cents. Il vit Napoléon lever la main pour demander la parole, il entendit ses paroles sans suite, il vit d'Estrem et Biot le saisir au collet, le secouer. Bonaparte étoit pale (de colère, remarque Mr Paëz). Quand il fut dehors et qu'il harangua les grenadiers, il trouva ceux ci froids et peu disposés a lui prêter main-forte. Ce fut sur l'avis de Talleyrand et de Siyès, qui se trouvoient pres, qu'un officier vint parler à l'oreille de Lucien, président. Celui ci s'écriat: vous voulez que je prononce la mise en accusation de mon frère etc.... il n'en étoit rien, au milieu du tumulte les Cinq-cents demandoient le Général à la barre, pour qu'il y fit ses excuses à l'assemblée. On ne connoissoit pas encore ses projets, mais on avoit senti d'instinct, l'illégalité de sa démarche.

10 a o u t 1832 c'est hier que l'Embassadeur d'Espagne me donnat ces details à diner chez le C-te J. Pouchkine.

Перевод:

Господин Паэс, в то время секретарь посольства в Париже, подтвердил мне следующий рассказ Бурьена. Узнав за несколько дней, что готовилось что-то серьезное, он прибыл в Сен-Клу и отправился в залу пятисот. Он видел, как Наполеон поднял руку, требуя слова, он слышал его бессвязные слова, он видел, как Дестрем и Био схватили его за шиворот и трясли его. Бонапарт был бледен (от гнева, отмечает Паэс). Когда он вышел и обратился с речью к гренадерам, он нашел их хладнокровными и малорасположенными оказать ему поддержку. По совету Талейрана и Сийеса, которые находились вблизи, некий офицер подошел и сказал что-то на ухо председателю Люсьену. Последний воскликнул: «Вы хотите, чтобы я привлек к суду моего брата» и т. д. Не тут-то было, среди общего шума члены пятисот требовали генерала к решетке для принесения извинений собранию. Еще не знали о его намерениях, но инстинктивно почувствовали незаконность его выступления. 10 августа 1832. Вчера испанский посланник сообщил мне эти подробности во время обеда у гр. И. Пушкина.

Неопубликованный автограф Пушкина, снимок с которого здесь воспроизводится, неизвестно где теперь находится. До революции он хранился в Виленском военном собрании, куда в 1903 г. был передан недавно скончавшимся собирателем автографов, автором мемуаров Александром Владимировичем Жиркевичем. Последний получил автограф от археолога, Николая Казимировича Богушевского. Как попал автограф к Богушевскому—неизвестно, но жандармская цифра свидетельствует о том, что лист с записью Пушкина находился в день смерти поэта в его кабинете и был занумерован при разборе бумаг Дубельтом. Автограф принадлежал к числу тех, которые были Жуковским оставлены у себя.

Фотографический снимок с автографа был Жиркевичем прислан в 1904 г. в комиссию по изданию сочинений Пушкина при Академии Наук и оставался там до сих пор неизданным. По этому снимку и публикуется запись Пушкина.

Записанный Пушкиным рассказ весьма сходен с теми записями исторических событий и анекдотов, которые Пушкин в последние годы своей жизни собирался издать отдельной книгой под названием «Table-talk». Это сходство особенно подчеркивается заключительной пометой, какие имеются на листах с записями «Table-talk». Принадлежность к этим записям рассказа Паэса подкрепляется и номером жандармской нумерации, говорящей о том, что автограф этот лежал у Пушкина вместе с листками «Table-talk».

Обед, упоминаемый в помете под записью, происходил у графа Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина, человека самого по себе мало известного, сына известного соби-